

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-247-262>
EDN: HJOYHV

Научная статья / Research article

«Жизнеописание» Ибрагима Махмудова: советский партийный деятель о сельской мусульманской общине начала XX века

Марина Имашева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия
Институт истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Россия

imaschewa@yandex.ru

Аннотация: Проведен ретроспективный анализ воспоминаний Ибрагима Махмудовича Махмудова (1893–1970), астраханского юртовского татарина, одного из активных участников советского строительства в татарских селах Астраханской области. Незадолго до своей смерти, в 1969 г., И.М. Махмудов закончил рукописный вариант воспоминаний, в котором отразил аспекты повседневной жизни мусульманской общины юртовско-татарского села Зацарево в 1900–1914 гг. На основании личных наблюдений Махмудов составил воспоминания о последних полутора десятилетиях спокойной жизни татаро-мусульманской общины провинциального российского города, предшествовавших бурным событиям войн и революций, которые закончились установлением советской власти. Автор воспоминаний всесторонне и глубоко, порой скрупулезно освещает события этих лет, с позиций человека, являвшегося неотъемлемой частью этой традиционной общины. Несмотря на то, что специальной задачи историко-этнографического анализа И.М. Махмудов не ставил, его взгляд как носителя описываемой культурной традиции по степени «погружения» в материал превосходит любые сторонние наблюдения профессионалов. В этом состоит главная ценность исследуемого источника.

Ключевые слова: астраханские татары, махалля, шариат, ислам, мусульманское духовенство, социальное неравенство

Для цитирования: Имашева М.М. «Жизнеописание» Ибрагима Махмудова: советский партийный деятель о сельской мусульманской общине начала XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 247–262. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-247-262>

‘Biography’ by Ibrahim Makhmudov: a Soviet Party Leader Views on a Rural Muslim Community of the Early 20th Century

Marina Imasheva

Kazan Federal University (Volga Region), Kazan, Russia
Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

imaschewa@yandex.ru

Abstract: The author analyzes the memoirs of Ibrahim Makhmudovich Makhmudov (1893–1970), an Astrakhan Yurt Tatar, one of the active builders of the Soviet system in the Tatar villages of the Astrakhan region. Shortly before his death, in 1969, I.M. Makhmudov completed a handwritten version of his

memoirs, in which he reflected aspects of the daily life of the Muslim community of the Yurt-Tatar village of Zatsarevo in 1900–14. Based on the personal observations, Makhmudov compiled memories of the last decade and a half of the quiet life of the Tatar-Muslim community of a provincial Russian town before the turbulent events of wars and revolutions that ended with the establishment of Soviet power. The author of the memoirs, as an eyewitness and bearer of cultural tradition, comprehensively and deeply, sometimes scrupulously, covers the events of the early 20th century in a closed Muslim community – the mahalla. However, his assessments to these events and lifestyle area also assessments of a Soviet party leader, who both was an atheist and a person with a huge life experience in the struggle for the ideals of Soviet power as well as a convinced supporter.

Keywords: Astrakhan Tatars, mahalla, Sharia, Islam, Muslim clergy, social inequality

For citation: Imasheva, Marina. “‘Biography’ by Ibrahim Makhmudov: a Soviet Party Leader views on a Rural Muslim Community of the Early 20th Century.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 2 (May 2023): 247–262 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-247-262>

Введение

Начало XX в. – это последние годы существования традиционной мусульманской общины в Российской империи со всеми присущими ей характеристиками изолированности от православного российского социума¹. Возглавляемые представителями буржуазии и мусульманским духовенством российские мусульмане в течение веков сохраняли этноконфессиональную замкнутость. Но вместе с тем первые полтора десятилетия XX в. – это время «пробуждения» мусульман Российской империи, формирования новых общественных форм развития, в том числе и тех, которые с критических позиций стали относиться к религиозным институтам².

Исследователи истории российского ислама в имперский период в своем распоряжении имеют значительный комплекс письменных опубликованных и неопубликованных источников. Они непосредственно отражают процессы, происходившие в развитии уммы на протяжении длительного периода времени. Это и делопроизводственная документация, и законодательные акты, и материалы периодической печати, и различные документы личного происхождения. Все эти исторические свидетельства составлены, в основном, в тот период истории, который они отражают в своем содержании. В поле нашего зрения как раз оказался источник личного происхождения – воспоминания («Жизнеописание») астраханского татарина И.М. Махмудова о его юности, которая прошла в татарском селе Зацарево.

В документах личного происхождения – письмах и дневниках, написанных в то же время, которое в них освещается, присутствуют субъективные оценки, но они носят характер современного переживания и оцениваются с современных мировоззренческих установок автора. Есть также документы личного происхождения, которые составлены спустя какое-то время, часто через десятилетия, когда человек, уже прожив значительную часть жизни, хочет рассказать о событиях былого. И эти документы, которые называют мемуарами (воспоминаниями), уже несут в себе субъективность иного рода. Автор пишет о событиях прошлого, ориентируясь на реальность, которая его окружает в настоящем. В этом отношении воспоминания И.М. Махмудова представляют большой исследовательский интерес: автор пишет о дореволюционной мусульманской общине в последние годы ее существования (1900–1914 гг.) и всех аспектах ее жизни с позиций советского человека, атеиста, члена ВКП(б). Махмудов твердо верит в светлое будущее, он считает, что идеал

¹ Хабутдинов А.Ю. Формирование нации и основные направления развития татарского общества в к. XVIII – нач. XX вв. Казань, 2001. С. 26.

² Амирханов Р.У. Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. Казань, 2005. С. 22.

общественного устройства – это отсутствие социального расслоения, гендерного неравенства и частной собственности, без какого-либо влияния «темной религиозной» идеологии. Именно с этих позиций он оценивает все происходившее в его юности в мусульманской общине, членом которой он был.

При этом в центре внимания автора – важные вопросы общественной жизни, которые радикально и эффективно (с точки зрения коммунистических представлений о социальной справедливости) были «перестроены» советской властью. В их числе образование, здравоохранение, отношение к религии и суевериям, женский вопрос, социальное неравенство. Касаясь весьма подробно этих вопросов, И. Махмудов всячески демонстрирует неправильность их постановки и решения в досоветский период.

Феномен советской субъективности стал предметом научного осмысления в исторической науке не так давно. Долгое время он вообще был вне исследовательского поля историков, и изучался психологией и философией. Благодаря работам западных исследователей субъективность в последние десятилетия стала изучаться историками-советологами. В этом отношении особое место занимает работа Ш. Фицпатрик «Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века», в которой она затронула вопрос переосмысления советскими людьми, родившимися и повзрослевшими до установления советской власти, своего дореволюционного прошлого³. Также эта проблема была исследована в работах С. Коткина⁴ и Й. Хелльбека⁵. Авторы рассматривают «советскость» человека как социальный продукт эпохи через его собственное конструирование советской субъективности. Также анализируется то, как у советских людей первого поколения, имевших дореволюционное прошлое, произошла трансформация мировоззренческих основ.

Что касается работ по истории астраханских мусульман, то их перечень крайне мал. Еще до революции о муллах и организации духовенства в Астраханской губернии писал В.В. Дремков⁶. В советский период данная тема не рассматривалась, и только в постсоветский период вышли работы по истории разных этнических групп астраханских мусульман. Наиболее значимой является работа Д.М. Исхакова, посвященная этнографии астраханских татар⁷. В 2008 г. вышла в свет работа В.М. Викторина «Ислам в Астраханской области»⁸, большая часть которой посвящена проблеме восстановления исламских институтов в регионе в конце 1980 – начале 1990-х гг. Автор настоящей статьи исследовал социально-экономическую историю мусульман Астраханской губернии в дореволюционный период⁹.

Ни в одной из опубликованных работ «Жизнеописание» И.М. Махмудова не изучалось ни с исторической, ни с этнографической точек зрения. Также не исследовался феномен советской субъективности среди астраханских мусульман. Поэтому задачей автора данной статьи является исследование воспоминаний как исторического источника с точки зрения субъективного подхода. Целью исследования является ответ на вопрос, как проявляется субъективность советского человека 1960-х гг., атеиста и коммуниста, при оценке жизни татаро-мусульманской сельской общины начала XX в., членом которой он был в юности.

³ Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011.

⁴ Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilisation. Berkeley, 1995.

⁵ Hellbek J. Revolution on My Mind: Writing on Diary under Stalin. Harvard, 2006.

⁶ Дремков В.В. О муллах Астраханской губернии. Астрахань, 1912.

⁷ Исхаков Д.М. Татары: краткая этническая история. Казань, 2002.

⁸ Викторин В.М. Ислам в Астраханском регионе. М., 2008.

⁹ Имаева М.М. 1) Татарское общественное движение в Астрахани в конце XIX – начале XX вв. Казань, 2020; 2) Мусульманское предпринимательство Астраханской губернии в кон. XVIII – нач. XX вв.: экономические и социальные аспекты развития. Астрахань, 2015.

«Жизнеописание» И.М. Махмудова как исторический источник

«Жизнеописание» И.М. Махмудова – это пример советской субъективности. Система мышления советского человека в воспоминаниях является определяющей. Период взросления автора сопряжен со многими трудностями тяжелой жизни крестьянина-батрака, получившего лишь начальное мусульманское религиозное образование. Законы шариата, праздничная культура, социальное неравенство, недоверие к религиозным авторитетам – главные темы, которые затрагивает И.М. Махмудов. При этом он последовательно демонстрирует свою мировоззренческую позицию, свойственную для эпохи 1960-х гг.: «так жить нельзя, неправильно», это темное прошлое, в котором хозяева жизни – «богатеи и муллы» управляли «бедняками».

Воспоминаниями своими И.М. Махмудов решил поделиться с родственниками, прежде всего с молодежью уже в глубокой старости, прожив долгую и интересную жизнь. В печатном варианте отмечено, что воспоминания автор составил в 1969 г., а в следующем, 1970 г., его уже не стало. Автор искренне верил, что описание порядков, которые царили в татарском обществе в условиях «несправедливого» социального строя, «засилия баев и мулл», будет «полезно для воспитания подрастающего поколения». Это – воспоминания человека советского по духу и восприятию действительности. При этом, воспитанный в духе этноконфессиональных традиций, он дает оценки «изнутри», основываясь на своей включенности в происходящие события.

Написанные от руки на русском языке мемуары И.М. Махмудов в конце своей жизни передал своим внукам, которые в конце 1960-х гг. вступали во взрослую жизнь. Один из них – астраханский редактор и издатель Н.З. Баширов, после окончания вуза в конце 1970-х гг. начал журналистскую деятельность в Астрахани и посчитал, что воспоминания деда являются значимым этнографическим материалом по истории и этнографии астраханских татар и передал их для изучения молодому тогда астраханскому историку и этнографу В.М. Викторину.

Последний осуществил небольшую обработку текста, в контексте уточнения татарских и исламских терминов, перепечатал письменный текст, использовал небольшие выдержки из него в своих этнографических исследованиях и порекомендовал к печати. Следует отметить, что текст подвергся самым небольшим изменениям, лишь в части лексических и орфографических ошибок. Стиль изложения, деление на разделы (например, «„Махалля“ – районы села»; «Религиозные школы – мектебе», «Призыв и проводы» и т. д.), некоторые повторы сюжетов в документе остались оригинальными. Всего разделов в «Жизнеописании» – 16. Они существенно отличаются по объему. Самые развернутые разделы содержат описание «классовой борьбы», по определению самого автора. Это сюжеты, связанные с имущественной дифференциацией внутри общины и отдельными попытками ее неимущих членов самоорганизоваться и «восстановить классовую справедливость», а также критикой царских властей, поддерживавших этот «несправедливый строй». Мы сознательно не останавливались на этих темах в мемуарах, так как они выходят за рамки поставленной нами цели.

К сожалению, в виде отдельного издания «Жизнеописание» так и не было опубликовано. Небольшие выдержки из воспоминаний И.М. Махмудова появились лишь в 1984–1985 гг. в районной газете «Коммунист Приволжья» (Приволжский район Астраханской области). Нам данный документ предоставлен внуком автора Н.З. Башировым.

На более чем тридцати страницах печатного текста предстает жизнь астраханской татарской сельской мусульманской общины начала XX в. Автор описывает тяжелую жизнь крестьян-садоводов, традиционные способы хозяйствования юртовских татар, систему конфессионального образования, способы врачевания, празд-

ничную культуру, роль шариата в системе половозрастных и семейно-брачных отношений и т. д. Освещение всех этих аспектов делает воспоминания важным этнографическим источником, особенно если учесть степень непосредственной «включенности» автора во все эти процессы и события.

При всем обилии этнографического материала «Жизнеописание» имеет ярко выраженную советскую идеологическую окраску. Автор описывает жизнь махалли через призму социального неравенства, апеллирует к различиям в уровне жизни богатых (баи и муллы) и бедных (крестьян, батраков, разнорабочих) татар, несправедливости общественного устройства татарского села в предреволюционный период (1900–1914 гг.). Также он постоянно подчеркивает, что такое положение было обусловлено невежеством и необразованностью людей, что стало следствием слепой веры в исламские религиозные догмы. И этим, как пишет И.М. Махмудов, пользовались «богатеи», беззастенчиво «эксплуатировавшие народ – бедняков».

Сравнительно-исторический анализ данного источника в контексте истории татарской махалли предреволюционного периода позволяет составить целостную картину того, какие серьезные сущностные трансформации она претерпела. Ведь несколько десятилетий советской власти с ее атеизмом и интернационализмом, коренным образом изменили духовную жизнь татар-мусульман, их отношение к религии и «пережиткам» традиционной культуры.

Воспоминания И.М. Махмудова представляют собой один из видов эго-источников, а именно – мемуаров. Мы видим воспоминания человека, который был воспитан в замкнутом этноконфессиональном окружении, получил образование в примечетном мектебе, являлся составной частью махалли с ее этнокультурным традиционализмом, но под влиянием социалистических идей резко перестроил свое мировоззрение. Все, что окружало человека с детства, составляло смысл и образ жизни многих поколений предков, подверглось переосмыслению. Автор с позиций коммуниста и атеиста дает оценки жизни в традиционной мусульманской общине, частью которой он был с момента рождения.

В этом большая ценность анализируемого источника – он дает своеобразную «двойную проекцию» и представляет для историка интереснейший материал с точки зрения изучения социально-экономической истории и религиозной жизни российской татаро-мусульманской общины начала XX в.

Биография И.М. Махмудова

Ибрагим Махмудов родился 27 июня (9 июля) 1893 г. в с. Зацарево Зацаревской волости Астраханского уезда и губернии, в семье юртовского татарина Махмуда и его жены Бибижан, причисленных к приходу «Исай-аул». В 1918 г. он стал первым председателем сельсовета этого села. Сегодня территория села входит в г. Астрахань. Ибрагим Махмудович стал убежденным сторонником советской власти, участвовал в Гражданской войне на стороне большевиков, закончил курсы партхозактива и был непосредственным организатором советских органов власти, а затем и колхозов в татарских селах современной Астраханской области в 1920–1930-е гг. Несмотря на то, что он был репрессирован в 1949 г., в 1953 г. – амнистирован, И. Махмудов до конца своих дней оставался последователем идей коммунистической идеологии.

Автор начинает свои воспоминания с начала XX в. и заканчивает 1914 г. Почему? В 1900 г. нашему герою исполнилось семь лет, и с этого момента он включается в жизнь махалли, в трудовые будни. В два года И.М. Махмудов остался сиротой, в тяжелых родах его младшего брата умерла мать. Отец – Махмуд, бедный зацаревский крестьянин, оставшись один с пятью детьми на руках, женится на молодой вдове. Но та оказалась злой мачехой, маленький Ибрагим и его братья

и сестра материнского тепла не получили. Вскоре отец, подрабатывавший грузчиком на пристани, не уберегся и стал инвалидом, наступили совсем «черные времена». Дети вынуждены были сами кормить себя, обрабатывая небольшой участок земли и продавая урожай с него. Ибрагим и его братья занимались на любую подработку, батрачили с малого возраста.

Красной нитью через все повествование проходят две взаимосвязанные темы: социальное неравенство и критика ислама и шариата. Ибрагим Махмудович красочно описывает национальные и религиозные обряды, комментируя их с позиций советского человека. При этом автор неплохо разбирается в мусульманской догматике. Это обусловлено тем, что, заметив способности мальчика, семья (братья и отец) решила дать ему, единственному из всех детей, достойное по меркам того времени образование. В семь лет мальчика отдали в мектебе в соседней махалле, а через год перевели в мектебе при мечети своего прихода «Исай-аул».

Также Ибрагим упоминает о знаменитом астраханском новометодном медресе «Низамия», руководил которым богослов и просветитель Абдурахман Умеров¹⁰. В «Низамии» он не учился, а писал с завистью, что там дети из многих регионов страны получали полноценное образование, в том числе и знание устного и письменного русского языка. Медресе было одним из передовых в Российской империи. И.М. Махмудов подтверждает это, он пишет, что здесь учились не только астраханские татары, но и шакирды из Казани, Оренбурга, Среднего Поволжья и из Казахстана.

Об обучении в мектебе Ибрагим писал, что освоил лишь основы шариата, по сути, оставаясь безграмотным до 1920-х гг. В своей биографии никогда не учитывал религиозное образование в мектебе, которое «сводилось лишь к заучиванию Корана». Достигнув возраста 20 лет, в начале 1914 г. он был призван в царскую армию, попав сразу в пекло Первой мировой войны. И этим событием он и заканчивает свои воспоминания, так как с этого времени началась другая жизнь автора – войны и революция, становление советской власти, когда устои старой жизни были разрушены и татарская, достаточно закрытая, махалля, стала составной частью советского общества.

Село Зацарево Астраханской губернии: население, религиозная организация, система образования

Как полагают историки, с. Зацарево было основано в конце XVIII – начале XIX в. юртовскими (астраханскими) татарами, перешедшими от полукошевого к оседлому образу жизни на месте традиционных зимовий.

Само село Зацарево, являвшееся центром волости, накануне революции насчитывало 323 двора, 1254 жителя – татар-магометан обоюбого пола¹¹. И. Махмудов пишет, что село было разделено на семь частей (приходов) – махаллей, каждая вокруг своей мечети: «Сабунчи», «Исай-аул», «Агай-аул», «Тирякмель», «Кинегас», «Бишагаш» и «Мирза-аул». При этом только две были соборными, а остальные пять – пятывременными. При соборных мечетях были две приходские мусульманские школы – мектебе.

Во главе приходов стояли муллы-имамы и муэдзины¹². Первые «назначались духовным главой всех мусульман, так называемым «муфтием» по «указу», после

¹⁰ Рахимов И.С. Общественная и просветительская деятельность Абдурахмана Умерова: 1867–1933. Казань, 2013. С.124.

¹¹ Шперк Ф.Ф. Зацарево // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XII. СПб., 1894. С. 340.

¹² Муэдзин – служитель при мечети, возглавляющий с минарета часы молитвы.

окончания «специальной духовной семинарии». Причем Ибрагим Махмудович ошибается, считая, что «диплом» об окончании медресе, это и есть «указ» о назначении на должность имама. Муэдзинов назначал уже мулла. Муэдзину уже никаких

указов иметь не обязательно, кроме лишь обладания способностью читать по-арабски и хорошего голоса, чтобы так звонко каждый день пять раз с высоты минарета мечети призывать верующих к установленному времени явиться на моление богу по законам Корана¹³.

Таким образом, автор объясняет людям, живущим в советском атеистическом обществе, принципы назначения на духовные должности в округе Оренбургского магометанского духовного собрания в начале XX в.

В рассматриваемый период в с. Зацарево действовали две мусульманские школы – мектебе, в которых обучали только мальчиков, всего до 60 чел. ежегодно. Отсутствие женского образования автор объясняет нормами шариата:

По законам мусульман, предусмотренным Кораном, шариатом, категорически запрещалось учиться в школе, быть грамотными женщинам-мусульманкам, в том числе женщинам-татаркам. Они оставались абсолютно неграмотными, так как школ для них в селе Зацарево не было как запрещенных Кораном¹⁴.

Качество и уровень знаний, которые получали ученики в мектебах, как и система и принципы обучения, у автора нашли исключительно отрицательные оценки. В мектебе изучались только коранические науки. Обучение сводилось к механическому запоминанию арабских молитв, правилам совершения различных ритуалов. При этом учителя-мугаллимы (муллы и их хальфы, старшие ученики) сами были людьми малограмотными, владевшими грамотой «лишь настолько, что могли читать, хорошо освоив точно установленное правило, по тажвиду» и кроме этого «никакого образования не имели»¹⁵. И. Махмудов описывает кадимистскую систему образования. Он пишет, что школы находились на первых этажах домов мулл, здесь,

в комнате находились П-образные татарские нары и в несколько рядов горбатые деревянные парты; за ними можно было сидеть, согнув только ноги под себя.

Часто учеников наказывали. Целям воспитания служили полуметровые палки. Но особый страх внушало «особое приспособление, четырехгранное, зубчатое, висевшее около двери на стене – бальдак». Им били по голым пяткам провинившегося,

отчего обе ноги превращались до кости в кровавое безобразное опухшее пугало, а мальчик после такого наказания почти без сознания сползал на нары, как обезьяна, на четвереньках.

Попав под такую расправу, Ибрагим перешел в другое мектебе, при мечети «Исай-аул», где порядки также были строгие, но учитель «был человечнее»¹⁶.

В первые годы советской власти И.М. Махмудов стал одним из проводников решений новой власти по борьбе с религией в мусульманской среде, отделению церкви от государства и созданию светской системы образования у астраханских татар-мусульман. Главным огорчением своей жизни автор считал то, что сам так и не получил светского систематического образования, оставшись «полуграмотным». А русский язык выучил в армии и на советской работе в 1920-х гг.

¹³ Махмудов И.М. Жизнеописание. Астрахань, 1969. Неопубликованная рукопись. С. 4.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 5.

¹⁶ Там же.

О социальном расслоении

Воспоминания И.М. Махмудова помогают реконструировать социально-экономическую жизнь села. Основным занятием татарского населения в Зацарево было оседлое земледелие – садоводство, бахчеводство, огородничество. Основаны они были на так называемом лиманном орошении. При этом близость города и прибрежное положение села привело к появлению новых форм предпринимательства. Здесь было несколько лесопильных заводов, принадлежавших русским хозяевам.

Социальную организацию села И.М. Махмудов описывает исходя из своих представлений о справедливости. Сам он – сын бедняка, вынужденный с раннего детства много работать, с явно выраженным неприятием перечисляет местных богатеев – баев и описывает источники их благосостояния, которые считает нечестными. Первым перед нами предстает местный «голова» – волостной старшина Аятбай. Он владелец «собственного торгово-промышленного предприятия». В период половодья на деревянных баржах – «белянах», принадлежавших Аятбаю, в село доставляли готовые обработанные строительные, хозяйственно-бытовые товары. Затем хозяин «сбывал их как на самой пристани, так и оптовым порядком»¹⁷.

Еще один «богачей» – Шамардан-Хаджи Мусякаев был владельцем трех больших садовых участков, которые обрабатывались батраками с помощью «двигателей внутреннего сгорания», которые осуществляли полив. Выращенную продукцию – садово-ягодную, виноград, бахчевые и огородные культуры, Мусякаев продавал оптом и в розницу товары на астраханских базарах. Благосостояние позволило ему совершить хадж, отсюда и приставка «Хаджи» к имени кулака.

Практически не уступал Мусякаеву в богатстве и еще один крупный садовладелец (владевший двумя садами) Махмуд Аджиниязов. Только хадж совершил не он сам, а его отец Аджинияз-Хаджи. Создается впечатление, что И. Махмудов считает, что совершение хаджа – это атрибут социальной несправедливости, поскольку совершать его могли позволить себе люди, неправедно нажившие богатство. При этом из текста неясно – это убеждение пожилого Махмудова-коммуниста или вывод, который он сделал, будучи юношей-батраком Ибрагимом.

Батраками к баям нанимались юртовцы, как односельчане, так и из других сел (всего их в Астраханском уезде в начале XX в. было 13) и другая группа астраханских татар – карагаши, проживавших на тот момент в нескольких селах Красноярского уезда губернии. Также бедняки обрабатывали и свои небольшие участки, с которых кормились. И. Махмудов так описывает тяжелый труд астраханских татар на земле:

Свои клочки земли они не могли обработать как следует, качественно, по-человечески: пахали землю примитивным способом – деревянными сохами, бороновали деревянными боронами, копали землю деревянными и железными лопатами, обрабатывали простыми железными мотыгами. Выращивая урожай плодоовощей, орошали земли простым способом: ручными водокачками и чигирями. Чигири крутили при помощи лошадиной силы: лошади повязывали мешковиной оба глаза, чтобы у нее не кружилась голова от долгих кругооборотов, таким образом, выкачивали воду из прудов-водоемов и перекачивали в водосточные каналы и арыки¹⁸.

Видно, что автор с этим трудом знаком не по наслышке, он сам много и трудно работал.

¹⁷ Махмудов И.М. Жизнеописание. С. 5.

¹⁸ Там же. С. 6.

Религиозные суеверия

Особое место в «Жизнеописании» И.М. Махмудова занимают вопросы, связанные с отношением жителей села к различным религиозным суевериям, составлявшим органическую часть их повседневной жизни. Его семья и он сам до революции жили в соответствии с шариатом, были верующими мусульманами. И суеверия, о которых спустя десятилетия пишет Махмудов-коммунист, в начале его жизни составляли значимую часть его мировоззрения, он верил и следовал им, так же как и все члены общины.

Прежде всего, эти «суеверия» были связаны с вопросами здравоохранения. Жаркий климат Астрахани в сочетании с несоблюдением элементарных требований гигиены способствовал частым вспышкам различных заболеваний: оспы, холеры, сибирской язвы и др. Да и другими болезнями люди болели часто.

К врачам обращаться не спешили. Мусульман-врачей не было, к христианам не шли, боясь, что навредят. Женщинам вообще лечение у мужчин-врачей было запрещено. Поэтому главными специалистами в деле врачевания были знахари-лекари, в качестве которых часто выступали муллы, суфийские проповедники – ишаны, и другие «божьи» люди. Эти лекари, с помощью молитв «вроде бы отгоняли от больных злых духов, шайтанов-чертей».

Муллы же лечили таким образом: на клочке бумаги писали одну из сур Корана, затем сворачивали его в

треугольный талисман, рекомендуемый больным для ношения на шею с уверенением, что Аллах даст возможность вернуть потерянное здоровье обратно¹⁹.

Среди астраханских тюрок-мусульман и в настоящее время такой способ «оберега» от различных негативных событий, могущих произойти в жизни, активно практикуется, чему автор настоящей статьи является свидетелем.

Еще один метод, предлагавшийся священнослужителями, заключался в том, что больного просили принести тарелку, на которой писали химическим карандашом одно из изречений Корана, так называемое «аятолькорсип»²⁰, и знакомили своих пациентов со способом применения: туда, где сделана надпись лично муллой, следовало налить немного воды, предварительно прополоскать, а потом проглотить «святую воду», делать это три раза в день²¹.

Фиксированных ставок оплаты такого лечения не было, но как правило расплачивались пациенты «серебряными чеканными монетами». После такого «лечения» часто «наступало ухудшение и даже смерть пациента».

Большим почитанием у астраханских тюрок-мусульман пользовался (и пользуется до сих пор) культ святых мест – аулие или авлия. И. Махмудов пишет:

Такие места с так называемыми святыми могилами назывались «авлия»; их на территории Зацаревской волости насчитывалось много – на самой территории с. Зацарева имелась могила святого, недалеко от села Карагали, на самой вершине холма «Паязтубе» – авлия «Сархуджабаба», на бугре Сабан-сияр – авлия «Хаджер-Ися», а в самом центре Зацарева, т. е. на окраине аула Сабанчи, имелась святая могила – авлия Мугульсун, недалеко от села Осыпной бугор – авлия «Акрам Машаякль», на территории села Мошаик – авлия «Абдурахим Ишангазы» (и несколько других), на территории села Солянки – авлия «Гузель Нур-Бибяханым» и др.²²

¹⁹ Махмудов И.М. Жизнеописание. С. 3.

²⁰ Аят аль-Курси (آية الكرسي) – букв. аят Престола) – 255-й аят суры аль-Бакара (2, «Корова»). Аят назван так по причине того, что в нем упоминается слово *kursi* («престол»), который олицетворяет могущество и абсолютную власть Аллаха над творениями. Один из самых известных аятов Корана.

²¹ Махмудов И.М. Жизнеописание. С. 23.

²² Там же.

И.М. Махмудов, которого призвали в армию весной 1914 г. вместе с 28-ю другими татарами-одногодками из Зацаревской волости Астраханского уезда и губернии, вспоминает, что все уходившие в армию призывники обязательно посещали аулие «Эйрак-Хаджи» близ села Янго-Аскер («Новый Воин» в переводе с татарского). Несмотря на дальнейшее расстояние, которое и сегодня при наличии автотранспорта преодолеть не просто, призывники отправились к святому месту.

Это место было вообще почитаемо среди астраханских мусульман. Само аулие находилось на окраине села Янго-Аскер (ныне – Наримановский район АО), около небольшого пруда с мутной илистой водой. В начале лета, в жаркую погоду, ежегодно здесь собиралось большое число паломников-мусульман со всей губернии. Заранее договаривались с хранителями аулия – муджавирами и назначали день «большого молебна» – зиярат-байрама. В приходских мечетях для проведения этого мероприятия заранее собирали деньги – садака, на которые закупали скот (коз, баранов, крупный рогатый скот) для приготовления угощения после коллективной молитвы. Молитву читал сначала мулла Янго-Аскера, а затем по очереди все присутствовавшие «авторитетные» муллы. Священнослужители «расхваливают чудотворство авлие «Эйрак-Хаджи» и имеющуюся полезность целебного и оздоровительного значения, призывают всех присутствующих пожертвовать в фонд святого и заканчивают словами

«садака аль газым», утверждением, что «садака», подаяние освобождает от разных неожиданностей, несчастий, преступлений и их последствий, удлиняет жизнь садакодателей на земле²³.

По окончании молитв все присутствующие подходили к муджавиру, у которого был сундук и бросали туда «золотые, серебряные, медные монеты», в результате чего собиралось много денег. Затем начинался праздник-угощение, из мяса животных, приобретенных на садака.

В заключении все паломники направлялись к пруду – совершали омовение и набирали «святую» воду из «чуда-пруда» в разную посуду. С молитвами эту воду «набирают в рот, глотают, мажут пальцами на лицо, брови и по глазам». Набранную воду везут домой – для родственников и соседей. Воду эту использовали как лекарство «от разных внутренних и наружных болезней, в том числе как вроде полезное средство для фантастического колдовства»²⁴. Автор осуждает эту практику, он считает, что грязная вода из пруда способствовала распространению различных инфекционных болезней, включая туберкулез, трахому и холеру, и, конечно же, никаких чудодейственных свойств не имела. Напротив, употребление этой воды могло превратить человека в калеку или даже привести к смерти²⁵.

Но весной 1914 г. молодой призывник Ибрагим со своими друзьями – сыновьями зацаревских бедняков, которым также предстояло идти в царскую армию, отправился в паломничество к аулие «Эйрак-Хаджи» у села Янго-Аскер. Путь проделали на лодках – по Волге и ерикам, захватив с собой саратовскую гармонику. Юноши были уверены, что молитва на святом месте позволит им избежать воинской повинности, что святой защитит их. Также старшие порекомендовали им набрать воды из пруда при аулие, а во время призывной медкомиссии «окропить» этой «святой водой» ворота и двери здания, где она проходит. Предполагалось, что «тогда будет воздействие на психологию членов призывной комиссии, начальника и врача, у которых отуманятся глаза, помутится разум и сознание, и механически

²³ Махмудов И.М. Жизнеописание. С. 21.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

на белой бумаге призывного листа они подпишут «не годен на военную службу из-за порока сердца» или «не годен как невменяемый»²⁶.

Автор описывает само аулие, которое показалось ему тогда обыкновенным, ничем не примечательным местом:

Поднялись на небольшой бугор, на самой вершине которого стоит небольшой из самана сарай, на крыше этой святой хижины подняты на пяти-трехметровых шестах флаги – из белой материи. Мы, рекруты, согнувшись через маленькую дверку вошли в этот дом святого «авлия». А там в самой середине виден небольшой земельный бугорок, этот-то бугорок, оказывается, и есть могила святого Эйрак-Хаджи. Около могилы постлан небольшой ковер из чакана (вид камыша, здесь подстилка из высушенных веток), на этих чаканах разбросано несколько штук молитвенных четок («тасьбих») и стоит небольшой железный сундучок, кроме этого ничего не имеется, царит абсолютная тишина, на самой могиле видны следы разных насекомых, муравьев²⁷.

Прочитав несколько сур Корана, в надежде «избавиться от призыва и царского деспотизма», ребята оставили в сундучке монеты, набрали воды из пруда и песок с могилы Хаджи и отправились домой. Здесь их встретила бабушка Ибрагима, которая

посадив нас около себя, читала религиозно-фантастические наставления; особенно она оставалась на полезности, чудодейственности святой могилы и всего, что к ней относится, якобы, имеющей воздействие на любое страдание, горе и разные беды²⁸.

Уже во время медосмотра один из призывников-друзей автора, Ярулла, по кличке «Коновал», решил воспользоваться советом старших и начал «кропить святой водой» членов комиссии. Но, рассмешив присутствующих, своей цели не добился – его признали годным к службе. Хотя молодой человек, что только не предпринимал «по совету мулл», чтобы избежать призыва: «молился все последнее время, давал муллам по возможности садака»²⁹.

Вообще татары, подлежавшие призыву в царскую армию, в отличие от других мусульманских народов империи, всегда воспринимали службу как трагичное событие. Существовало устойчивое представление, что служба в армии вредит нравственности мусульман, и может даже привести к их обрусению, отказу от ислама и христианизации³⁰. Боязнь эта была свойственна и астраханским татарам.

И.М. Махмудов свидетельствует, что

некоторые рекруты в преддверии призыва занимались членовредительством: капали в оба уха нашатырный спирт, 3 раза в день натошак пили разболтанный на холодной воде табачный сок и махорку, чтобы повлиять на сердце, купались зимой в ледяной воде, потом босиком шагали по льду, чтобы получить воспаление легких, вызывали у себя искусственную бессонницу, самоистощение, делали себе уколы шприцом из капель, приготовленными знахарями из гноя и нечистот, чтобы до призывной комиссии довести себя до язвы, рака или заразных болезней³¹.

Но все эти ухищрения были напрасными. Всех призывников признавали годными, за исключением сыновей «богатеев и мулл». Этих И. Махмудов прямо обвиняет в даче взяток и подкупе комиссии³².

Спустя десятилетия, руководствуясь советскими взглядами на религию и ее роль в обществе, автор пишет о «суевериях» с большой долей скепсиса. Видно, что он в годы, о которых пишет, был верующим мусульманином. Но уже спустя десятилетия кон-

²⁶ Махмудов И.М. Жизнеописание. С. 21.

²⁷ Там же. С. 24.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Загидуллин И.К. Исламские институты в Российской империи: Мечети в Европейской части России и Сибири. Казань, 2007. С. 68.

³¹ Махмудов И.М. Жизнеописание. С. 25.

³² Там же.

струирует новую реальность своей юности – приписывает себе переживания неприятия этих обрядов, сомнений в их эффективности. При этом очевидно, что такими понятиями, как «инфекция, бактерии, гигиена, антисанитария» и др., неграмотный юноша-татарин в 1910-е гг. оперировать не мог. Это – взгляд из 1960-х гг.

О религиозных обрядах, муллах и баях

И.М. Махмудов подробно объясняет, почему для мусульман так важны пятничные (праздничные) намазы, основываясь на знаниях, полученных им в мусульманской школе. Он пишет, что согласно правилам, установленным в Коране, во время пятничной молитвы – «жумга-намаза»

никто из присутствующих и молящихся не имеет права выходить из мечети, прерывать продолжающуюся молитву, не доведя до установленного конца, хотя бы было землетрясение, набег вражеских войск, бушующий пожар³³.

Эти правила для верующих, продолжает автор,

предусмотрены так называемыми правилами «фарыз», то есть совершение которых обязательно даже при угрозе какой-либо катастрофы. Если при совершении правил «фарыз» по каким-то причинам, вроде «подвига» во имя Аллаха, верующего постигнет смерть, то его душа («жан») вроде прямо окрыляется, превращается в райскую птицу, попадает безо всякой остановки в небесный «рай». За такое терпение и страдание сам Аллах награждает его дипломом «Шагид», то есть званием героя Ислама, представляет его на самую седьмую часть неба, где самим богом построено наподобие дома, вечное место отдыха, называемое вечным «жаннатом». Там, якобы установлен порядок по желаниям, по потребностям: «в нем реки из воды, не имеющей смрада, реки из молока, которого вкус не изменяется, реки из вина, приятного для пьющих, реки из очищенного меда»³⁴.

И опять мы слышим голос коммуниста-атеиста:

Все эти фантастические описания и небылицы надуманы исламским шариатом для одурманивания трудовых мусульман, чтобы самим этим эксплуататорским элементам жилось и было спокойно за счет трудового народа. А тем наплевать было на божий «жаннат», лишь бы им жилось хорошо, сыто на земном «жаннате»³⁵.

Ключевое слово здесь – «было». Очевидно, что во времена своей юности таких терминов в контексте социального устройства мира и религии молодой татарин не знал.

Вообще, И.М. Махмудов, описывая религиозные обряды и обычаи, постоянно останавливается на том, что они являлись средством обогащения мусульманских священнослужителей, оперируя идеологическими клише советского времени. Любое действие со стороны последних, неоднократно отмечает автор, сопровождалось сбором денег – «монет», которые шли на личные цели. Это осуждение мздоимства мулл – один из главных лейтмотивов «Жизнеописания».

Мы помним, что автор – коммунист, посвятивший свою сознательную жизнь утверждению и отстаиванию идеалов советской власти, с неизбежным атеизмом. Отсюда и восприятие событий молодости, как непрерывной «классовой борьбы». И одним из главных источников социальной несправедливости он считает «религиозные предрассудки», а их проводниками – мусульманское духовенство, которое служило лишь интересам богачей-баев. Их он называет «бессовестными аксакалами и мечетными крысами»³⁶.

³³ Махмудов И.М. Жизнеописание. С. 25.

³⁴ Там же. С. 10.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 16.

В тексте воспоминаний И.М. Махмудова зафиксированы многие «нарушения» священнослужителями норм шариата, совершения ими несправедливых действий. Одно из главных – распитие спиртных напитков. При этом алкоголь употребляли и там, где никто не видел – в русской части города, в кафе; и во время религиозных праздников.

Во время празднования «суннат-туя» (праздника в честь обрезания мальчика) внука зацаревского бая Махмуда Аджиниязова И. Махмудов наблюдал эти нарушения. Праздник и процесс подготовки к нему очень подробно описан автором. При этом он уверяет, что главная цель организаторов – это сбор денег, очередной способ «обогащения». Подтверждением тому явилось то, что после праздника Махмуд Аджиниязов отправил своего отца в Мекку, в хадж, а для этого нужны были солидные средства. Сам же Махмуд-бай после праздника записался во вторую гильдию астраханского купечества. Сам обряд обрезания автор воспоминаний называет «вредным ненужным пережитком, который калечит психику и тело ребенка»³⁷.

Между тем «суннат-туй» представлял собой очень грандиозное событие. В процессе подготовки для угощения собравшихся было забито 28 лошадей, несколько коров и множество баранов. Подготовка блюд заняла неделю. В большом дворе были собраны несколько устланных коврами шатров для гостей.

Особым списком, индивидуальными пригласительными билетами пригласили: знатных борцов («пальванов»), наездников со своими скакунами, рысаками, иноходцами, стрелков со своим оружием, татарских певцов («кушаз»), казахских («акынов»), туркменских («нагыльчи») со своими инструментами национальной музыки – «домбрами», с просьбой, чтобы они приняли участие в этой «национально-мусульманской свадьбе»³⁸.

Подробно описан сам обряд обрезания, который включал катание на лошадях мальчика по селу, в честь которого устраивался праздник, чтение Корана, одаривание родственников подарками и монетами, саму процедуру обрезания. Затем начинается угощение. В конце вечера все идут на майдан – луг за селом, где начинаются состязания в народных играх, скачки, борьба специально приглашенных борцов – «пальванов».

Во время угощения гостям, а в шатрах сидели только мужчины, подавался кумыс. Но Ибрагима, который нанялся на праздник официантом-подручным, посылают в лавку за четвертью спирта. Спирт подливается в кумыс, и все присутствующие дружно делают вид, что не чувствуют спиртного. В конце вечера много пьяных, среди которых и муллы. У юноши это вызывает недоумение и сомнения в праведности присутствующих священнослужителей. Ведь он твердо усвоил в мектебе, что алкоголь по шариату – «харам».

Вызывает у автора глубокое негодование и то, как под видом благочестия, муллы обирали бедняков «от того малого», что они сумели приобрести с помощью своих талантов и удачи. Во время праздников – «туев» устраивались различные состязания, победители получали призы – предметы одежды или баранов, телят, коз. И вот выигравший, а участвовали в основном бедняки, после победы подходил за благословением к мулле. А тот говорил, что победа пришла не сама по себе – она следствие благословения Аллаха и надо дать садака. В итоге все выигранное, в качестве садака, переходило к мулле. Мулла Абдунасыр же при приеме таких подарков ограничивался благословением от имени Аллаха, «дай, мол, бог этому джигиту

³⁷ Махмудов И.М. Жизнеописание. С. 11.

³⁸ Там же.

доброе здоровья, долгих лет жизни». Не один раз наблюдал такое Ибрагим, в итоге появились первые сомнения в истинности догматов ислама, шариатских законов.

Продолжая свой рассказ, он с возмущением и обидой говорит:

неужели этот мулла считается современным «святым» человеком, т.е. <...> он всегда и всюду выступает с трибуны мечети («минбара») и на разных маджлисах от имени Великого Аллаха с разными наставлениями, чтобы они были честными, не касались, не трогали и не присваивали чужого добра³⁹.

И вот перед нами предстают две мировоззренческие системы. С одной стороны – переживание верующего юноши начала XX в. В его системе жизнепонимания столь кощунственное нарушение норм шариата вызывает целую бурю сомнений в праведности религиозных авторитетов. С другой – спустя десятилетия советский партийный деятель объясняет все происходившее уже с точки зрения коммунистической идеологии. Для Ибрагима Махмудовича – коммуниста, все описанное – закономерный результат «разложения» буржуазного общества и его религиозных устоев.

Женский вопрос

И.М. Махмудов с явным осуждением говорит о положении женщин в его селе и вообще в мусульманском мире. Его возмущает, что до революции в Зацарево отсутствовало женское образование, что женщин считали недостойными быть грамотными, иметь право самостоятельно строить свою судьбу. Автор объясняет:

По законам Корана, женщинам, девушкам запрещено показываться мужчинам и вести с ними всякие громкие и открытые разговоры⁴⁰.

Также И.М. Махмудов добавляет, что женщин, которые осмеливались нарушать многовековые правила, обряды, обычаи, представители религиозного культа обзывали «кэи кара» – «черномазой»⁴¹.

Не одобряет автор и обряды, связанные со вступлением в брак. Выкуп за невесту ее родителям – калым и обязательный свадебный дар – махр, подарки родственникам, садака муллам за обряд бракосочетания – никах, проведение самого праздника – свадьбы, были связаны с большими затратами. В итоге многие бедняки в связи с этими расходами или оставались неженатыми, или начинали семейную жизнь с огромных долгов, которые выплачивали всю жизнь.

А вот состоятельные татары, в том числе и муллы, могли позволить себе взять не одну, а несколько жен, ни в чем себе не отказывая. Это тоже вызывало негодование автора. Он считал, что многоженство, вообще недопустимо, и прямо противоречит человеческим законам, додумавшись в итоге до осознания того, что нормы шариата противоречат нормам общечеловеческой морали. Кроме того, многоженство ущемляет права женщин и оскорбляет их чувства.

И опять И.М. Махмудов-коммунист пишет, что все эти обычаи придумали богатые, в том числе и муллы, которые учили, что

сам Аллах не стал творить жену Адаму, поручил это ангелу Джабраилу, и тот якобы во время сладкой дремоты сотворил ему из ребра приятного товарища – Еву (Хаву). А затем, утвердили несправедливые обычаи: укоренились многоженство, выдача замуж малолетних, продажа невест – взимание калыма, разные формы женского затворничества, требование не учиться грамоте⁴².

³⁹ Махмудов И.М. Жизнеописание. С. 16.

⁴⁰ Там же. С. 19.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 25.

Выводы

Главный посыл «Жизнеописания» заключается в том, что благодаря советской власти татары живут совсем по-другому в справедливом обществе, где нет богатеев и мулл, где нет места невежеству и религиозным суевериям и обманам, где открыты все пути для счастливой жизни. А само это общество стало возможно благодаря строителям новой советской жизни, к которым причислял себя и Ибрагим Махмудович.

И.М. Махмудов свое субъективно отрицательное отношение к образу жизни махалли и господству в нем баев и имамов основывает в том числе на своем знании коранических наук, усвоенных в дореволюционном мектебе. Свободно оперирует терминами коранических наук, объясняет читателю забытые к началу 1970-х гг. мусульманские обычаи и догмы. С позиций прожитых лет и убеждений он искренне удивляется тому, как он мог верить «этим шариатам», «фантастически-религиозным заблуждениям», которые использовались муллами и баями для «утверждения своего господства» над мусульманской беднотой. В этом его отличие от советского поколения людей, родившихся после революции в атеистическом обществе и получивших светское образование.

Безусловно, тяжелая трудовая жизнь крестьянина-батрака, собственные наблюдения за несправедливой жизнью духовенства в детстве и юности, полвека жизни, отданные служению социалистическим идеалам, все это нашло отражение в документе. При анализе данного источника следует понимать, что написаны они человеком с устоявшимся атеистическим мировоззрением и неприятием социального неравенства, одной из главных причин которого, по его мнению, был ислам. Не случайно свои воспоминания Ибрагим Махмудович заканчивает словами: «Зачем же ислам и «ясный путь» – шариат, народу?». Автору воспоминаний казалось, что религия навсегда ушла из жизни людей.

Но прошли десятилетия, пал советский строй и наступили времена, когда тысячи людей возвращаются к религии своих предков. Они ищут идеалы в прошлом. При этом некоторым современникам свойственна чуть ли абсолютная идеализация жизни российских мусульман в дореволюционный период. И в этой ситуации «Жизнеописание» И.М. Махмудова имеет большое значение сегодня.

Поступила в редакцию / Submitted: 03.03.2023

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 25.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 02.05.2023

References

- Amirkhanov, R.U. *Tatarskii narod i Tatarstan v nachale XX veka: Istoricheskie zarisovki* [The Tatar people and Tatarstan at the beginning of the twentieth century: Historical sketches]. Kazan: Tatknigizdat Publ., 2005 (in Russian).
- Dremkov, V.V. *O mullakh Astrakhanskoi gubernii* [About the mullahs of Astrakhan province]. Astrakhan: Gubernskaia tipografiya Publ., 1912 (in Russian).
- Ficpatrik, Sh. *Sryvaite maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off the masks! Identity and Imposture in Twentieth-century Russia]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2011 (in Russian).
- Georgieva, N.G. *Memuary kak fenomen kul'tury i istoricheskij istochnik* [Memoirs as a cultural phenomenon and a historical source]. *RUDN Journal of Russoan History* 11, no.1 (2012): 126–138 (in Russian).
- Hellbek, J. *Revolution on My Mind: Writing on Diary under Stalin*. Harvard: Harvard University Press, 2006.
- Imasheva, M.M. *Musul'manskoe predprinimatel'stvo Astraxanskoi gubernii v kon. XVIII – nach. XX vv.: ekonomicheskie i sotsial'nye aspekty razvitiia* [Muslim entrepreneurship of the Astrakhan pro-

- vince in the end of the 18th – early 20th century: economic and social aspects of development]. Astrakhan: Roman Sorokin Publ., 2015 (in Russian).
- Imasheva, M.M. *Tatarskoe obshhestvennoe dvizhenie v Astraxani v kontse XIX – nachale XX vv.* [Tatar social movement in Astrakhan in the late 19th – early 20th century]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ., 2020 (in Russian).
- Iskhakov, D.M. *Tatary: kratkaia etnicheskaia istoriia* [Tatars: a brief ethnic history]. Kazan: Magarif Publ., 2002 (in Russian).
- Khabutdinov, A.Yu. *Formirovanie natsii i osnovnye napravleniia razvitiia tatarskogo obshhestva v k. XVIII – nach. XX vv.* [Formation of the nation and the main directions of development of the Tatar society in the 18th century – early 20th centuries]. Kazan: Idel'-Press Publ., 2001 (in Russian).
- Kotkin, S. *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilisation*. Berkeley: University of California Press, 1995.
- Rahimov, I.S. *Obshhestvennaia i prosvetitel'skaia deiatel'nost' Abdurakhmana Umerova: 1867–1933* [Public and educational activities of Abdurakhman Umerov: 1867–1933]. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ., 2013 (in Russian).
- Shperk, F.F. *Zatsarevo* [Zaczarevo]. In *Enciklopedicheskii slovar' Brokgauza i E'frona* [Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Vol. 12. St. Petersburg, 1894 (in Russian).
- Viktorin, V.M. *Islam v Astrakhanskom regione* [Islam in the Astrakhan region]. Moscow: Logos Publ., 2008 (in Russian).
- Zagidullin, I.K. *Islamskie instituty v Rossiiskoi imperii: Mecheti v Evropeiskoi chasti Rossii i Sibiri* [Islamic Institutions in the Russian Empire: Mosques in the European Part of Russia and Siberia]. Kazan: Tatar. kn. izd-vo Publ., 2007 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Марина Маратовна Имашева, д-р истор. наук, доцент кафедры истории Татарстана, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18; ведущий научный сотрудник, Институт истории имени Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан, 420111, Россия, Казань, ул. Батурина, 7А; imaschewa@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3602-5213>

Marina M. Imasheva, Dr. Habil. Hist., Associate Professor of the Department of History of Tatarstan, Kazan (Volga Region) Federal University; 18, Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russia; Leading Researcher, Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 7A, Baturin Str., Kazan, 420111, Russia; imaschewa@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3602-5213>